[103] Там же. С. 194.
[104] Там же. С. 161.
[105] *Соловьев В. С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. С. 27, 32.
[106] Там же. С. 28.
[107] Там же. С. 32.
[108] Там же. С. 448.
[109] Там же. С. 17.
[110] Там же. С. 19—20.
[111] Там же. С. 280.
[112] Там же. С. 232—233.
[113] Там же. С. 227.
[114] Там же. С. 250.
[115] Там же. С. 289.
[116] Там же. С. 368.
[117] Там же. С. 505.
[118] Там же. С. 370.
[119] Там же. С. 436.
[120] Там же. С. 437.
[121] Там же. С. 468.
[122] *Чичерин Б. Н.* О началах этики // Вопр. философии и психологии. 1897, № 4. С. 645.
[123] *Чичерин Б. Н.* Несколько слов по поводу ответа г. Соловьева // Там же. 1897. № 5. С. 774.
[124] *Соловьев В. С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. С. 290.
[125] Там же. С. 290—291.
[126] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 210.
[127] *Соловьев В. С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. С. 19—20.
[128] *Соловьев В. С.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 587.
[129] Там же. С. 527.
[130] Там же.
[131] *Чичерин Б. Н.* О началах этики // Вопр. философии и психологии. 1897. № 4. С. 640.
[132] *Трубецкой Е.* Указ. соч. С. 322.

СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПУТЕЙ РОССИИ И ЗАПАДА В ТРАКТОВКЕ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

В. И. Приленский

В контексте истории общественной мысли России XIX в. первая ассоциация, которая возникает при упоминании имени Т. Н. Грановского, — западничество. Действительно, Грановский не просто примыкал к этому своеобразному направлению общественной мысли, но и был, если так можно выразиться, его идейным центром. С полной уверенностью можно констатировать, что он является, по крайней мере, одним из признанных лидеров западничества. И здесь вполне может возникнуть такой вопрос. Тема данной статьи — «своеобразие исторических путей России и Запада», а именно эта проблематика в наибольшей мере разрабатывалась оппонентами западников — славянофилами. Для западничества характерно отношение к историческому процессу скорее как к процессу общечеловеческому, в своей основе единому. Утверждение же своеобразия исторических путей отдельных народов, их особое историческое призвание оставляли прерогативу славянофильской доктрины. Так что уместно ли вообще говорить о проблематике своеобразия, специфики исторического развития различных народов, имея в виду идеологию западничества? Конечно, для такой постановки вопроса есть определенные основания. Оба указанных подхода являются как бы двумя полюсами, в них концентрируются наиболее существенные положе-

ния спорящих сторон. Все это так. И все же более внимательное рассмотрение этого чисто русского феномена — западничества и славянофильства — позволяет не столь однозначно и предубежденно ставить под сомнение анализ своеобразия исторических судеб России и Запада именно в трактовке идеологов западничества.

Для доказательства последнего положения можно привести несколько аргументов. Во-первых, сам вопрос о своеобразии русского исторического пути, возникший как логическое следствие из общего стремления мыслящей русской публики этого времени к самосознанию и осмыслению роли России в мировом историческом процессе, как раз и явился тем исходным пунктом, с которого, собственно, и начинаются теоретические расхождения в среде скорее не идейных противников, а соратников. Только теперь и можно уже говорить о формировании двух различных течений: западничества и славянофильства. Следовательно, уже здесь на первом этапе размежевания этот вопрос был в центре внимания не только тех, кого впоследствии назовут славянофилами, но и тех, кто станет западниками. Вообще говоря, перед передовой русской общественной мыслью этого времени, формировавшейся и выражавшейся с наибольшей полнотой в основном в различных кружках и салонах (например, кружки Станкевича, Герцена, салон Елагиной), со все большей ясностью вырисовывается факт непохожести русской и западной истории, российской и западноевропейской действительности. Различное понимание и толкование этого факта и приводит в дальнейшем к теоретическим расхождениям. Позднее подобное произошло и в лагере самих западников — достаточно вспомнить размолвку Герцена с Грановским (правда, основанием ее явились другие причины).

Таким образом, и славянофилы, и западники полностью сходились в констатации факта отличия исторических судеб России и Запада, по крайней мере в допетровскую эпоху. Это и является вторым аргументом. Никто из западников никогда не утверждал, что можно прямо сопоставлять, например, средневековую Европу и Московское государство. Все споры двух образовавшихся течений общественной мысли сосредоточивались на оценке петровских реформ и, самое главное и основное, на направлениях путей, которыми следует идти России, т. е. в центре внимания были вопросы ее настоящего и будущего.

Наконец, в-третьих, сам фактический материал, который будет представлен ниже, достаточно ясно и недвусмысленно свидетельствует о явном интересе, проявлявшемся таким типичным западником, как Грановский, к вопросу о своеобразии исторических судеб России и Запада.

И в заключение этих предварительных замечаний необходимо отметить, что узкий взгляд на западничество и славянофильство как только на две противоборствующие партии, как только на два совершенно различных подхода к решению философско-исторических проблем в своей основе несостоятелен, так как он ограничивает наше понимание существа тех вопросов, которые ставились и разрешались теоретиками каждого из этих направлений. В свое время об

этом прекрасно сказал П. В. Анненков: «Западники, что бы о них ни говорили, никогда не отвергали исторических условий, дающих особенный характер цивилизации каждого народа, а славянофилы терпели совершенную напраслину, когда их упрекали в наклонности к установлению неподвижных форм для ума, науки и искусства»[1]. Анализ западнической и славянофильской концепций должен быть свободен от грубых упрощений и предубежденных мнений, ведь нельзя же забывать, что эти люди пытались решить одни и те же проблемы, что они ставили перед собой идентичные цели, что они в конце концов часто были друзьями.

Главным научным интересом Грановского была западноевропейская медиевистика. Но не меньшее внимание уделялось им и разработке более общих вопросов, связанных как с философско-исторической проблематикой вообще, так и с выяснением самого предмета философии истории как вполне определенной области знания. Об этом говорит и его знаменитая речь «О современном состоянии и значении всеобщей истории», произнесенная им на торжественном собрании Московского университета 12 января 1852 г., и его многочисленные вводные замечания, предваряющие курсы лекций по средневековой истории Европы. Грановский считает исторический процесс единым, общечеловеческим. Законы исторического развития по своей сущности едины для всех народов земли. Но такое видение исторических путей человеческого общества отнюдь не заслоняло от его взгляда всей специфики развития различных народов на определенных этапах их истории, связываемой им с конкретными историческими обстоятельствами. Здесь нет места для более подробной характеристики основ философско-исторической концепции Грановского, но если попытаться определить буквально в двух словах ее идейно-теоретическую направленность, то не без оснований ее можно квалифицировать как одну из разновидностей объективно-идеалистического понимания исторического процесса, естественно, со всеми возможными в данном случае оговорками, которые здесь также вряд ли будет уместным приводить. В связи с такой характеристикой философско-исторических идей Грановского вполне законно может возникнуть и вопрос о влиянии на него Гегеля.

Действительно, еще обучаясь в Германии, Грановский испытал очень сильное воздействие гегелевских идей. Но не настолько сильное, чтобы стать верным приверженцем этой философской системы. Вопрос о влиянии на Грановского идей Гегеля многократно обсуждался многими его исследователями и в дооктябрьский период, и в последующее время. Выводы, к которым приходили эти исследователи, были чрезвычайно различны, одно их перечисление составило бы несколько страниц. Здесь же хотелось бы указать только на довольно точное и взвешенное отношение к этому вопросу Б. Н. Чичерина (кстати, вполне справедливо считавшегося «русским гегельянцем»), который в своей рецензии на книгу Ч. Ветринского (Чешихина) «Грановский и его время» писал: «Изучая историю не с точки зрения отвлеченной логической схемы, а в ее действительных явлениях, он (Грановский. — *В. П.*) далек был и от край-

ностей чисто гегельянской школы. Он крепко стоял за значение и права личности, которая у Гегеля служила только орудием общего процесса»[2].

Конкретная историческая эпоха, которую избрал в качестве главного материала для своих научных изысканий Грановский, — это история западноевропейского средневековья. Казалось бы, что вопросы своеобразия русской истории в данном случае как бы должны уйти по крайней мере на второй план. Но это далеко не так. Именно в конкретном анализе западноевропейского средневековья заложены основы тех его немногочисленных высказываний о русской истории, которые встречаются и в его лекциях, и в отдельных его работах.

Вообще говоря, хоть в какой-то мере отрицать интерес Грановского к прошлому своего отечества было бы совершенно несправедливо. Сама его натура, сама обстановка, окружавшая его, те споры, которые велись между западниками и славянофилами, способствовали тому, что эти вопросы постоянно находились в поле его зрения. Другое дело, что Грановский, посвятив себя в основном изучению западноевропейского средневековья, не оставил после себя развернутых и фундаментальных работ по русской истории. Кстати, именно это обстоятельство стало причиной нападок на него со страниц «Москвитянина», вдохновителями которого были С. В. Шевырев и М. П. Погодин. Поводом для упреков явился курс публичных чтений Грановского в Московском университете в 1843 г. Грановскому пришлось отвечать. Об этом эпизоде упоминает в своем дневнике Герцен: «Окончив чтение, он сказал: "Я считаю необходимым оправдаться перед вами в некоторых обвинениях на мой курс. Обвиняют, что я пристрастен к Западу; я взялся читать часть его истории, я это делаю с любовью и не вижу, почему мне должно бы читать ее с ненавистью. Запад кровавым потом выработал свою историю; плод ее нам достается почти даром, какое же право не любить его? Если б я взялся читать нашу историю, я уверен, что и в нее принес бы ту же любовь"[3]. Лучше ответить в такой ситуации вряд ли возможно.

Чтобы перейти непосредственно к рассматриваемой теме, необходимо осветить такой важный аспект исторических воззрений Грановского, как его понимание деления истории. Во введении к готовившемуся им «Учебнику всеобщей истории» Грановский делит историю на два отдела: языческий и христианский, водоразделом между которыми служит время Константина Великого. В свою очередь, второй, христианский отдел подразделяется на среднюю и новую историю. Переход от первой ко второй совершается в конце XV — начале XVI в., во время, которое характеризуется возрождением наук, географическими открытиями, Реформацией.

Проводимое им различие между древним миром и средневековьем аргументируется двумя основными факторами. Первый состоит в том, что в древнем мире личность теряется в государстве, а в средние века личность становится «бесконечно выше государства». Второй носит религиозный характер: «...в древнем мире каждый народ имел свою религию, религия была народною, продуктом национальности, как искусство; в древней мифологии каждый народ вы-

разил сам себя, создавая ее по своему образу. Отсюда свирепая вражда народов древнего мира; сражаются не только люди, но и божества»[4]. Совершенно другое можно видеть в «среднем мире»: «...здесь одна религия, соединяющая все человечество в одно великое братство, обещающая ему единую будущность»[5]. Последнее обстоятельство, т. е. общность религии, обусловило вообще возможность единой европейской цивилизации.

В «Программе всеобщей истории», которая составлялась Грановским по поручению Министерства народного просвещения в 1850 г., содержится очень примечательная характеристика средневековой общественности: «Составные стихии средневековой общественности: феодализм (рыцарство); город (община); церковь. Здесь должно показать, что таких явлений, как феодализм, у нас не было вовсе, а церковь и города носили совсем другой характер»[6]. А вот и первое упоминание о своеобразии русской истории! Грановский совершенно однозначно трактует вопрос о феодализме в России — его не было. Это центральный пункт его размышлений о различиях в русской и западной истории, заключающийся в особом понимании феодализма и феодальной цивилизации. Но об этом несколько позже.

Но в чем же причина того, что феодализма в России, как утверждает Грановский, не было? Может быть, все дело во влиянии географического фактора, роль которого действительно им подчеркивалась? Достаточно вспомнить такие его слова: «Как ни сглаживает европейская образованность племенные различия, подводя их под один общий уровень, она не в силах стереть главных, природою поставленных рубежей. Юг и север, горы и равнины, близость или отдаленность моря и вообще водных сообщений остаются, несмотря на все усилия человека, определяющими деятелями его истории. Итальянский быт так же невозможен под небом Скандинавии, как невозможен для населения обширных равнин России образ жизни англичанина, находящегося в постоянном сношении с морем»[7]. Как можно видеть, здесь упоминается и особое географическое положение России. Но делать вывод о решающей роли географического фактора в данном случае было бы просто неуместно. Мало того что Грановский указывает на факт постепенного, в связи с ростом образованности, уменьшения роли этого фактора в истории, он считает, что вообще географическое положение страны — это только одна из частных и отнюдь не основных в ряду тех действующих причин, которые формируют то, что он называет сложившимися «историческими обстоятельствами».

Последние связаны у него с понятием «органической жизни», в котором тесно переплетаются факторы природные и духовные. Это особое синтетическое понятие, к которому обращается Грановский, призвано, по его мнению, устранить всякую односторонность при выборе причин, формирующих судьбы народов. Отсюда проистекает его внимание не только к духовным факторам развития человеческого рода, но и к факторам природным. Отсюда и его особое отношение к другим наукам, изучающим человеческое общество. В упоминавшемся «Учебнике всеобщей истории» он пишет: «Такое богат-

ство содержания ставит историю в тесную связь со всеми другими науками, которые входят в нее своими результатами, ибо каждая наука обнаруживает большее или меньшее влияние на умственный и вещественный быт народов»[8].

Вообще говоря, в философии истории Грановского чрезвычайно важное значение имеет сформулированное им положение о необходимости союза истории с «естествоведением», об использовании в исторических исследованиях методов естественных наук, достижений статистики и «землеведения», антропологии и т. д. Это часто давало повод как русским, так и советским исследователям его наследия считать Грановского чуть ли не провозвестником позитивизма в русской исторической науке. Р. Виппер, например, считал, что знаменитая речь Грановского о всеобщей истории выражала его переход к позитивизму[9]. Об отказе от элементов идеалистической диалектики и замене их методологией позитивистского толка в последние годы жизни Грановского писал и М. А. Алпатов[10]. Но, к счастью, такого мнения придерживалось явное меньшинство исследователей наследия русского историка. Очень точно сформулировал отношение Грановского к этому вопросу его сподвижник по Московскому университету, видный русский историк П. Н. Кудрявцев: «Его (Грановского. — *В. П.*) много занимали физические особенности края и нравы его жителей, но более всего — их политический и общественный быт вместе с предлагаемыми средствами для его усовершенствования»[11]. О том, что Грановский не делал позитивистских выводов, писал и М. М. Григорьян[12]. Здесь будет интересно отметить, что Н. Г. Чернышевский главным вкладом Грановского в историческую науку, основным приобретением для истории считал именно его идею о союзе истории с естественными науками[13]. Следуя логике тех исследователей, кто считает Грановского чуть ли не родоначальником позитивистской методологии в русской исторической науке, можно было бы указать и на Чернышевского как на ее якобы активного проповедника.

Но все-таки лучше обратиться к самому Грановскому и его речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории». Указывая на то, что история должна обратиться к естествоведению и использовать его способы исследования, он формулирует свою основную мысль: «У Истории две стороны: в одной является нам свободное творчество духа человеческого, в другой — независимые от него, данные природою, условия его деятельности. Новый метод должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии»[14]. Как можно видеть, эта генеральная философско-историческая идея Грановского никак не может быть отнесена к каким-либо вариациям в духе позитивистской методологии.

Но вернемся к основной теме. Итак, факт отсутствия феодализма в России объяснялся Грановским отнюдь не географическим фактором или какой-либо другой чисто природной причиной. Происхождение различий западноевропейского и славянского путей развития Грановский усматривает в различном культурном наследии, доставшемся германцам и славянам: «Большая часть благ

древнего мира досталась в удел германским племенам; славяне пришли позже и не нашли на почве, занятой ими, тех поучительных развалин, которые достались германскому племени: что же досталось в удел им? Цивилизацию свою они должны были выждать и выстрадать; но и для них был источник образования, другой — Византия»[15].

Следует сказать, что сама идея об особенности русской исторической жизни, связанная с первоначальным непосредственным культурным влиянием Византии на молодую Русь, была чрезвычайно распространена в русской общественной мысли того времени и, естественно, не представляла собой последнего слова в исторической науке. Но те выводы, к которым пришел Грановский, его особый подход к роли Византии на мировой арене представляли несомненный интерес. В свое время это позволило К. Бестужеву-Рюмину написать: «...чуткая художественная природа подсказывала ему (Грановскому. — *В. П.*), что в русской жизни есть свои особенности, что будущность русского народа велика, что русский историк на многое должен взглянуть иначе, чем европейский, и что взгляд его будет правилен. Не Грановский ли первый (не из славянофилов) высказал то мнение, что нам нужно перестроить историю Византии (это сказано в его статье о книге Медовикова)?»[16]. Критика Грановским западноевропейских историков в трактовке истории Восточной Римской империи, его вывод о пестром этническом составе Византийской империи и отсутствии в ней единого национального начала, выдвижение на первый план проблемы роли славян в истории Восточной Римской империи и обращение особого внимания на значение русско-византийских и славяно-византийских отношений являются его существенным вкладом в византиноведение[17].

Какова же была роль Византии для будущих исторических путей России? «Мы приняли от Царьграда, — пишет Грановский, — лучшую часть народного достояния нашего, т. е. религиозные верования и начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но кроме этих отношений нас связывает с судьбою Византии уже то, что мы Славяне»[18]. Последнее положение требует пояснений. Грановский полагал, что невозможно говорить о «византийском» народе, этнический состав империи был разнороден, в населении Восточной Римской империи нельзя усмотреть какого-либо доминирующего влияния отдельной народности, отсутствовал и общий всем национальный дух. В подтверждение этого он говорит: «Исавры, Славяне и Армяне сидят на престоле Константина и Феодосия»[19]. Таким образом, славяне являются частью «византийского» народа. И для него это обстоятельство представляется немаловажным фактором при оценке славяно-византийских отношений.

И еще одно замечание. Указывая на эпоху иконоборчества как на перелом в византийской жизни, дающий ключ к пониманию всех ее последующих явлений, он пишет: «Но успешное решение этой задачи возможно в настоящее время только русским, или вообще славянским ученым. Они ближе к ней потому, что она связана с историею их собственного племени и требует знаний в тех областях цер-

ковной истории и филологии, которые менее других доступны западным ученым»[20]. Не правда ли, здесь западник Грановский говорит как славянофил! Но парадоксальность здесь чисто внешняя — Грановского серьезно интересовал вопрос о роли и месте русского историка, о его призвании, и далее мы еще вернемся к этому предмету.

Выше уже приводилось высказывание Грановского о «составных стихиях средневековой общественности», к которым относится и церковь. При этом он подчеркивал, что характер нашей церкви иной, нежели церкви западноевропейского средневековья. И дело здесь не только в различии внешней формы католицизма и православия, и не в их принципиальных расхождениях в толковании основ христианского вероучения. Значение разделения церквей для Грановского имеет глубокий философско-исторический смысл. В какой-то мере понимание им этого вопроса может прояснить свидетельство его ученика, впоследствии ставшего одной из самых выдающихся фигур в истории русской общественной мысли, Б. Н. Чичерина: «Когда мы дошли до разделения церквей, он (Грановский. — *В. П.*) сказал: "Вы сами впоследствии увидите, в чем состоит существенное различие в характере и призвании обеих церквей: Восточная церковь гораздо глубже разработала догму, но Западная показала гораздо более практического смысла"»[21]. О том, каков точный смысл, который вкладывал Грановский в такое понимание исторической роли двух основных христианских конфессий, мы сегодня можем только догадываться. Но если следовать логике его философско-исторических построений, то с определенной долей уверенности можно предположить, что «практическая» сторона, развиваемая в большей степени западной церковью, представлялась ему в виде ее попыток непосредственного воздействия на светскую жизнь. Здесь и борьба за светскую власть, и монополизация всей духовной жизни, и стремление к регламентации общественного поведения. Что же касается разработки «догмы» восточной церковью, то здесь он, видимо, имел в виду ее самоуглубление в богословскую догматику и литургическую практику, определенную ее устраненность от активного и самостоятельного участия в текущей политической жизни. Последнее обстоятельство было как бы навязано государством. Другими словами, православная церковь в своей каждодневной политической деятельности должна была постоянно оглядываться на государственную власть, координировать свои действия с высшими государственными интересами. Но, как бы то ни было, сам факт различия западной и восточной церквей, их различной роли в жизни западноевропейского и русского средневековья налицо. И он является одним из составляющих моментов в общей картине своеобразия в исторических судьбах этих двух сообществ.

И все-таки основная причина, позволяющая говорить о своеобразии средневековья в Западной и Восточной Европе, по мнению Грановского, это отсутствие феодализма как особой исторической формы в русской исторической действительности того времени. В связи с этим на первый план выдвигается вопрос о том, каким же образом трактуется это понятие Грановским?

Отношение Грановского к феодализму как бы выходит за рамки традиционных представлений об этом историческом феномене. И первое, что бросается в глаза, — это аксиологический аспект. «С именем феодализма, — подчеркивает Грановский, — соединено в Западной Европе множество воспоминаний, большей частью враждебных. Между тем феодализм, как мы увидим, принес богатые плоды для европейской цивилизации»[22]. Грановский далек от того, чтобы не видеть те причины, которые оправдывают ненависть к феодализму. Вот, к примеру, его слова о феодальном обществе: «Никогда состояние низших классов не было так тягостно и унизительно, никогда личность отдельных властителей и одного сословия не получила такой неограниченной свободы. Никогда не было более недостойного общества: были законы, но они были только обязательны для слабых; условий порядка, понуждений уважать закон не было»[23]. И все же он склонен в нем видеть нечто исторически новое, сыгравшее заметную положительную роль в европейской истории.

В вопросе о сущности феодализма русский историк придерживается своей особой точки зрения. Ее исходный пункт — критика тех историков, которые сравнивают феодализм с восточными учреждениями. Здесь он, в частности, выступает оппонентом Шлецера, говорившего о турецких участках земли, дававшихся за военные услуги, как о явлении, характерном и для Европы. «Это правда, — утверждает Грановский, — во всей Европе и у славян мы видели этот обычай платить участками земли за службу. Но не в этом существенный характер феодализма»[24]. Вообще говоря, для Грановского характерно понимание феодализма скорее не как социально-экономического феномена, а некоего политического и в большей степени нравственного явления в общественной жизни. Его основная позиция здесь: «...но феод(ализм) имеет глубокое нравственное значение, а не одно политическое»[25]. Конечно же он рассматривал и юридические, и гражданские отношения феодального общества и не мог полностью отвлечься от социально-экономического уклада общества. Но он полагает, что это лишь одна сторона феодализма, создавшая те условия жизни, «которые должны были миновать в истории». Более существенной он считал другую его сторону, а именно ту нравственную атмосферу, в которой рождалась новая цивилизация.

Первый существенный момент феодализма выражается, согласно Грановскому, в тех новых условиях, которые способствовали всестороннему развитию личности. В следующем небольшом отрывке в полной мере выражено понимание русским историком тех изменений, которые происходят с ролью и местом личности при переходе от мира древнего к средневековому: «Древний мир не признавал самостоятельности, самоуправства личности; он признавал только гражданина; лицо как таковое для него не существовало. Когда распалось древнее общество, древнее государство со своею неограниченной властию над личностью, на место его явилось другое общество, где нет государства, есть только лицо. Это лицо должно было сначала определиться в чрезвычайно грубых, жестких и резких формах. Это лицо эгоистическое, презирающее все, что вокруг него, по-

давляющее все около, но вместе лицо, сознающее свое право, или, лучше, не признающее никакого другого права, кроме своего»[26].

Второй существенный момент, который выделяет Грановский, вполне логично вытекает из первого — это феномен рыцарства. Он считает его замечательным явлением средневековой жизни. Следует отметить, что Грановский не разделяет мнения некоторых авторов, в частности Гизо, о том, что «рыцарство существовало только в романах, что это мечта, призрак, форма, во имя которой совершалось в действительности нисколько не похожее на нее»[27]. Для него это реальный исторический феномен. И роль этого феномена оценивалась Грановским довольно высоко: «Рыцарство соединило в себе все благородные элементы феодального мира»[28]. Раскрывая его основные черты и указывая на его роль для будущего исторического развития, он считает, что «в нем воспиталось особенное воззрение, особенное чувство чести, понятие о достоинстве человека, обычай защищать слабого против сильного. Эти-то понятия достались от феодализма народам Западной Европы; за такое наследство многое, конечно, можно простить феодальному миру»[29]. Итак, чрезвычайно широкое развитие личности, пробуждение чувства собственного достоинства, осознание своих прав человеком — вот основные нравственные характеристики феодализма, которые наряду с юридическими и гражданскими отношениями определяют облик феодализма.

И чтобы вполне закончить описание того образа феодализма, который сложился у Грановского, можно привести такие его слова: «Мы знаем характер феодализма. В нем было что-то гордое, энергическое: непреклонная личность, с одной стороны, с другой — потребность деятельности преимущественно воинственной, готовность на самые страшные и опасные предприятия, что-то суровое, жестокое, оскорбительное для нравственного чувства, если посмотреть на отношение феодального владельца к вилланам, и вместе что-то поэтическое, если посмотреть на его отношение к равным»[30]. Как можно видеть, те позитивные элементы в феодализме, которые подчеркивает Грановский, являются для него исходным пунктом и основой последующего развития европейской цивилизации. Но, что очень важно, он прекрасно понимает, что осознание своих прав коснулось лишь немногих: «...под феодализмом, церковью, под господствующими сословиями средневековой общественности есть еще огромная масса людей до которой не доходила цивилизация; права не доставались ей в удел, отдельные лица спасались от этого положения бегством, отдельные попытки, вызванные примером городов, оканчивались поражением вилланов и наложением более тяжкого ига»[31]. Грановский раскрывает перед своими слушателями (все предыдущие цитаты приведены из записей его лекций по средневековой истории, сделанных студентом В. Собчаковым в 1848—1849 гг.) свое особое видение феодализма как феномена, присущего именно западноевропейскому средневековью.

Подход Грановского к раскрытию понятия «феодализм» несколько необычен, и, судя по всему, это достаточно очевидно следует из вышеприведенных его высказываний. Для него в первую очередь важны те нравственные основания, которые послужили бази-

сом дальнейшего развития западноевропейской цивилизации. Не отстраняясь от социальных, экономических, а в более узком плане от гражданских и юридических отношений, которые могут хоть в какой-то мере определить лицо феодализма как особой стадии в развитии человеческой цивилизации (а Грановский прямо вводит термин «феодальная цивилизация»)[32], он все же делает акцент на нравственной стороне этого явления. И в этом проявилась та черта характера Грановского как историка и мыслителя, которая в свое время особо ценилась его современниками и которая привлекает и сейчас наше внимание. В конце концов она может вызывать только глубокое чувство симпатии к ученому, для которого оценка любого исторического факта и обстоятельств, ему сопутствующих, а тем более деятельности той или иной исторической личности, всегда имела первостепенное значение (достаточно обратиться к его знаменитым «Четырем историческим характеристикам», где речь идет о Тимуре, Александре Македонском, Людовике IX и Беконе, или к таким его работам, как «Аббат Сугерий», «Бартольд Георг Нибур», «Петр Рамус»).

Но подведем некоторые итоги. Итак, Грановский совершенно по особому представляет такой феномен средневековья, как феодализм. Чрезвычайно важно его основополагающее замечание об отсутствии этого феномена в русском средневековье. Отсюда уже можно сделать определенные выводы, которые хотя прямо и не базируются на высказываниях самого историка, но совершенно логично вытекают из контекста его проблемы своеобразия западноевропейского и отечественного средневековья. Указывая на факт отсутствия феодализма в русской истории, Грановский тем самым как бы подчеркивает и отсутствие (или по крайней мере чрезвычайно малое развитие) здесь и личностного начала как основной характеристики феодальной цивилизации. Следовательно, и здесь мы, судя по всему, нимало не погрешим против правил логики, если примем положение, что для русского средневековья и последующей русской истории он полагал основным формообразующим началом государственность[33]. В этом смысле Грановского в какой-то мере можно считать своеобразным предвестником появления так называемой государственной школы в русской историографии, представленной такими именами, как К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин. И не случайно, что среди последователей этого направления столь много его учеников и слушателей. Действительно, идея об относительном отсутствии всестороннего развития личностного начала в средневековой истории России и о доминирующей роли государственного начала составляла одно из центральных положений этого направления в русской исторической мысли.

Таким образом, Грановский довольно определенно подчеркивает своеобразие исторических путей России и Запада, отдавая последнему должное за успехи, достигнутые в развитии цивилизованного общества. Но не забудем при этом и его основной философско-исторический постулат о единстве рода человеческого. Нет ли здесь противоречия? Судя по всему, нет. И объясняется это тем, что для Грановского успехи, достигнутые в развитии цивилизации тем или

иным обществом, рано или поздно становятся достоянием всего человечества. И если в прошлом исторические судьбы разных народов довольно различны, иногда ярко своеобразны, то в настоящее время и особенно в будущем их пути должны все больше сближаться, служа общечеловеческим целям и идеалам. Это его основная мысль. Более того, имея в виду будущее, Грановский указывает на историческое призвание, к которому вызывается славянский мир. Отмечая же относительную неравнозначность по отношению к целям всеобщей истории вклада народов Восточной и Западной Европы в прошлом, он лишь хочет подчеркнуть то значение, которое имели в этой истории те цивилизационные процессы, которые характеризуют западноевропейскую историческую жизнь. Очень хорошо эти мысли иллюстрируются строками из письма Грановского к В. В. Григорьеву из Праги, еще в период его пребывания и обучения в Европе (конец 30-х годов XIX в.), которые цитирует в своих воспоминаниях сам Григорьев: «Из ученых чехов я познакомился с Шафариком и Челяковским. У первого провел вчера целый вечер. Чудесный человек! Велик и ученостию и характером... Я поспорил с ним насчет немцев, которым он, впрочем, отдает полную справедливость в ученом отношении. Но, при всем моем уважении к его огромным сведениям, я не могу согласиться, что славяне не менее немцев участвовали во всемирной истории. Мне кажется, что нам принадлежит будущее, а от прошедшего мы должны отказаться в пользу других. Мы не в убытке при этом разделе. Как ни говори, а все-таки история германцев теперь важнее славянской, в связи со всеобщею. Через два, три столетия — другое дело»[34].

Вообще говоря, для Грановского характерно внимание к вопросу о будущей роли России в мировом историческом процессе, которая оценивается им достаточно высоко, и, в частности, к тому значению, которое должна сыграть в этом русская историческая наука. Он постоянно призывает к овладению плодами просвещения и цивилизации, которые были выработаны западноевропейской исторической жизнью. Для него это является основным и единственным добром, которое Запад может передать России. И только полностью овладев этим неоценимым богатством, Россия сможет в дальнейшем сказать свое собственное слово в кругу европейских народов. А о том, что этот момент приближается, свидетельствуют следующие его слова: «Никогда призвание русского историка не было так важно, как в настоящую минуту... (здесь следует заметить, что это писалось в 1848 г.— *В. П.*). Ринутым в отчаянную борьбу страстным умам старой Европы теперь не до науки. Им некогда сверять прошедшее с настоящим, они предоставили это дело нам, младшим братьям европейской семьи, не причастным [к] раздору старших. Подвиг трудный, которого результатом должно быть не одно удовлетворение ученого любопытства, а полное, имеющее определить жизнь, уразумение истории и ее законов»[35]. Рассуждения Грановского о «русском взгляде» на историю и его постоянное внимание к этому вопросу станут более понятными, если рассмотреть их в тесной и неразрывной связи с его общими представлениями о своеобразии исторических судеб России и Запада, а также и его понима-

ние задач настоящей эпохи. Это обстоятельство достаточно ясно прослеживается на примере такого его высказывания: «...устраненные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устраненные от этого движения, мы стоим на пороге, т. е. Европы, наблюдателями [движения], и притом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит собственно русское воззрение на историю. Это, впрочем, не значит, чтобы мы смотрели на историю Запада с исключительной мелконациональной точки зрения; нет, мы должны наблюдать»[36]. Как можно видеть, разработка Грановским таких понятий, как «русское воззрение» или «русский взгляд» на историю, отнюдь не окрашена идеей национальной исключительности, наоборот, эти понятия достаточно хорошо вписываются в его общую концепцию об общечеловеческом характере исторического процесса.

В заключение хотелось бы заметить, что вопрос о своеобразии исторических путей России и Запада являлся для русской публики первой половины XIX в. чуть ли не центральной темой дискуссий. Именно в этом пункте сталкивались порой диаметрально противоположные точки зрения. Свое слово сказал и Грановский. В статье о публичных лекциях Грановского в Московском университете А. И. Герцен отметил: «В самом событии этого курса есть что-то чрезвычайно поэтическое: в то время, когда трудный вопрос об истинном отношении западной цивилизации к нашему историческому развитию занимает всех мыслящих и разрешается противоположно, является одним из молодых преподавателей нашего университета на кафедре, чтобы передать живым словом историю того оконченного отдела судеб мира германо-католического, которого самобытно развивающаяся Россия не имела»[37]. О подходе Грановского к этому вопросу мы уже говорили. Естественно, что, будучи западником, он трактовал его по-своему. Но к несомненным достоинствам его концепции следует отнести акцентирование общечеловеческого характера ценностей и идеалов, двигающих развитие мировой цивилизации. В той же самой статье Герцен об этом выразился так: «...в наше время глубокое уважение к народности не изъяло характера реакции против иноземного; многие смотрят на европейское, как на чужое, почти, как на враждебное, многие боятся в общечеловеческом утратить русское. Генезис такого воззрения понятен, но и неправда его очевидна... мы должны постигнуть то великое единство развития рода человеческого, которое раскрывает в мнимом враге брата»[38]. Сказать лучше о том, что ставил во главу угла Грановский в решении одного из сложнейших вопросов своего времени, вряд ли возможно. Но ведь это можно и понять: Герцен многие годы был во многом единомышленником и другом Грановского.

В решении довольно запутанной проблемы о своеобразии исторических судеб России и Запада, проблемы, вызвавшей в свое время появление крайних, радикальных точек зрения, Грановский продемонстрировал наиболее спокойный и взвешенный подход. Им был

подан пример того, как следует избегать пристрастий в оценках исторического прошлого, в особенности именно своего исторического прошлого, ведущих к односторонним взглядам и предвзятым выводам. И поскольку проблема исторических судеб России и Запада, никогда не уходившая от внимания исследователей, со времени своего возникновения и в наше время является достаточно актуальной, оборачиваясь новыми гранями и новыми вопросами, постольку и мысли Грановского, высказанные по этому поводу, мысли неординарные, основывающиеся на определенной философско-исторической позиции, внутренне стремящейся к объективности и отвергающей радикалистские решения, могут и сегодня дать нам пищу для размышлений.

[1] *Анненков П.* Замечательное десятилетие (1838—1848) // Вест. Европы. 1880. Т. 2, кн. 3. С. 7—8.
[2] *Чичерин Б. Н.* Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Вопр. философии и психологии. 1897. Кн. 1. (36). С. 9.
[3] *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1919. Т. 3. С. 146—147.
[4] *Грановский Т. Н* Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 6.
[5] Там же. С. 6.
[6] *Грановский Т. Н.* Сочинения. М., 1900. С. 595.
[7] Там же. С. 600.
[8] Там же. С. 599.
[9] См.: *Виппер Р.* Общественно-исторические взгляды Грановского // Мир божий. 1905. Нояб. С. 190.
[10] См.: *Алпатов М. А.* Труды Т. Н. Грановского // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 444.
[11] *Кудрявцев П. Н.* Воспоминание о Тимофее Николаевиче Грановском // Отечеств. зап. 1855. № 11—12. С. 93.
[12] См.: *Григорьян М. М.* Философские и социологические взгляды Т. Н. Грановского // Русская прогрессивная философская мысль XIX в. М., 1959. С. 73.
[13] См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 357—358.
[14] *Грановский Т. Н.* Соч. М., 1856. Т. 1. С. 25.
[15] Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья. М., 1961. С. 100.
[16] *Бестужев-Рюмин К.* Биографии и характеристики СПб., 1882. С. 294.
[17] См.: *Бороздин И. Н.* Т. Н. Грановский и вопросы истории Византии // Византийский временник. 1956. Т. 11. С. 274—277.
[18] *Грановский Т. Н.* Соч. М., 1856. Т. 2. С. 138.
[19] Там же. С. 139.
[20] Там же. С. 140.
[21] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов. М., 1929. С. 14.
[22] *Грановский Т. Н.* Лекции по истории средневековья. С. 244.
[23] Там же. С. 252.
[24] Там же. С. 245.
[25] Там же.
[26] Там же. С. 253.
[27] См.: Там же. С. 254.
[28] Там же. С. 256.
[29] Там же.
[30] Там же. С. 265.
[31] Там же. С. 269.
[32] См.: Там же. С. 256.
[33] Здесь можно вспомнить и ту особенную в отличие от западной роль восточной церкви, на которую указывает Грановский, а именно специфическое отношение православия к государственным институтам и светской власти, о чем говорилось выше (и опять же только лишь предположительно).
[34] *Григорьев В. В.* Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. 1856. № 4. С. 40—41.
[35] *Грановский Т. Н.* Лекции по истории средневековья. С. 315—316.
[36] Там же. С. 241.
[37] *Герцен А. И.* Полн собр. соч. и писем. Т. 3. С. 280.
[38] Там же.